

Юлия
Меньшова

Понять, что
Бог есть
любовь,
гораздо сложнее,
чем то, что
«Бог накажет»

ПАРСУНА — так называется портрет в иконописном стиле, а также авторская программа Владимира Легойды на телеканале «Спас», в которой он говорит с человеком о самом главном. В этом номере «Фомы» — фрагменты «парсуны» актрисы и телеведущей Юлии Меньшовой.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ:

Первый вопрос ведущего «Парсуны»:

Легойда: Вас знают прекрасно как телеведущую, как актрису. Но я хотел бы, по традиции нашей программы, вас попросить представиться. Вот вы о себе прежде всего что хотели бы сообщить? Какова ваша глубинная идентичность, скажем так?

Меньшова: Она точно не профессиональная. Скорее всего, она связана с ипостасями: мать, жена, дочь, человек.

Легойда: В какой последовательности?

Меньшова: Думаю, что на каждом этапе жизни в разной последовательности. Эти ипостаси меняются местами в зависимости от того, у кого в данную секунду или данный период жизни больше потребности во мне.

Фото Владимира Ештокина

Вероятно, имеет значение, как человек приходит к вере и как он себя в связи с этим принимает.

Я думаю, если дети воспитываются в доме, где вера, так сказать, является составной частью воспитательного, и в том числе, запретительно-го, процесса — «не делай чего-то, тебя Бог накажет», — наверное, когда они станут взрослыми, для кого-то это может превратиться в проблему. А поскольку я воцерковлялась, будучи человеком взрослым, мне было 21–22 года, то, соответственно, все вопросы веры проходили для меня через какое-то философское осмысление. И у меня никогда не было дисгармонии в этом смысле.

Мое отношение к Церкви менялось.

Оно и по сию пору меняется по какой-то неровной синусоиде. Когда я проходила период неопитства, я просто соблюдала все, что только можно. И это казалось мне очень важным, насущным, я вообще не понимала, как можно жить по-другому. И в период обострения это доходило до такой степени, что первые два года я не могла читать никакую художественную литературу. Я ее отторгала. Мне казалось, что других книг, кроме духовных, просто не существует.

Потом, я думаю, произошел довольно естественный откат, и я постепенно стала читать художественную литературу. И какие-то вещи уравнились. Возникла социальная востребо-

ванность, и поэтому тоже времени стало меньше. Что-то отошло совсем, какая-то неистовость, которая была в самый первый момент.

Я и сейчас нахожусь в этом процессе: периодически прихожу к выводу, что вот это — какая-то ерунда, это лишнее, какая-то пыль веков, которая наслепилась на веру. А потом проходит время, и думаю: да нет, похоже, не пыль. Но тут же впадаю в сомнение по какому-нибудь другому поводу. Но мне кажется, что это вообще довольно естественно. Поскольку вопросы веры напрямую увязаны с постижением самой жизни, а это процесс не последовательный и не линейный.

Был момент, когда мне показалось, что священник, который на тот период, можно сказать, был моим духовным отцом, слишком благожелательно ко мне относился,

что эта его благожелательность столь велика, что на исповеди он как-то слишком много мне попускает. Надо бы поостороже. И я решила, что больше к нему не буду ходить на исповедь. А потом мне даже показалось, что надо и в храм другой пойти, потому что как-то я здесь уже обосновалась, какая-то я здесь слишком своя. И это была ошибка. Потому что это отбросило меня от неопитства совсем в другую сторону. Это заставило меня понять, что есть вещи, которые надо просто принимать, и оно там как-то

▲ Юлия с отцом, режиссером Владимиром Меншовым, на съемочной площадке фильма «Любовь и голуби», 1984

◀ Юлия Меншова на вручении самой престижной российской телевизионной премии «ТЭФИ» в номинации «Ведущий ток-шоу» за программу «Я сама», 1999

без твоего участия разберется — когда понадобится построже, оно как-то все сложится, и будет тебе построже.

Это момент баланса: вот ты со своим размышлением на тему «мне бы надо вот так», а вот жизнь, судьба, Бог — как угодно, которые руководят твоей жизнью. И этот баланс очень зыбок. И иногда в перфекционистском желании самосовершенствования можно его нарушить и получить совсем не тот результат, на который рассчитываешь.

Я стала терять остроту ощущений, и мне показалось, что это потому, что слишком часто меня гладят по голове. Вот и захотелось и храм сменить, и к другому священнику, чтобы как дали розгами и сказали: «Ты плохо себя ведешь». Но ведь и там острота эмоционального переживания может снова улечься. Причина-то была во мне.

Я росла в семье нерелигиозной.

Учитывая, до какой степени я деликатна в вопросах веры, я и в своей семье ее не навязывала и не считала, что мы должны вместе пойти в храм на службу. Я считала, что важнее, чтобы были поняты какие-то общенравственные постулаты. Может быть, это моя ошибка. Но я вот так себя вела.

При этом я вижу семьи очень православных людей, с полным соблюдением ритуального аспекта — с еженедельным походом в храм и так далее, — и у детей, воспитанных в таких семьях, бывает полный отход от веры. Я не знаю почему. Что тут срывает? Может быть, система запретов, когда имя Бога вспоминается в контексте: «не передо мной, так перед Господом Богом

ответишь». Можно ли так вообще ставить вопрос? Думаю, что нет. Хотя у постсоветского общества в этом смысле нет богатого опыта. Может быть, спустя лет 20-30 можно будет, наверное, на эту тему снова поговорить и сделать выводы: как правильно было воспитывать? А сейчас трудно. Но вообще, честно сказать, мне все-таки больше нравится думать, что Бог есть любовь. Потому что, мне кажется, это гораздо сложнее понять, чем то, что «Бог накажет».

«Слава» — я бы вообще это слово оставила за скобками.

А успех важен для меня чрезвычайно. Но не мой личный, а того дела, которое я делаю. Я не отношу это к каким-то своим достоинствам или недостаткам. Мне почти никогда не верят, когда я где-то в интервью рассуждаю в этих категориях: а, думают, она кокетничает. Но так я устроена, что мне чрезвычайно важен успех — как подтверждение факта: то, что я делаю, нужно. Моя личная популярность, успешность вот, ей-богу, никогда меня не занимали. Поэтому я с большой легкостью и радостью уходила когда-то за кадр. С огромным удовольствием пробовала себя в театральной режиссуре, где ты вообще не выходишь на сцену, но где для меня гораздо больший восторг видеть, что зал смеется в том месте или плачет там, где я вот знала, что это будет.

Думаю, это потому, что я была в очень большом минусе, и успех, пришедший ко мне, просто сбалансировал меня до нормы. Но не дал мне излишнего плюса. Ибо значимость моих родителей, громкость их фамилий была столь велика и так часто я в свой адрес слышала: «дочь Меншова и Алентовой», или: «дочь Меншова», что это была «минус я». То есть я была только «дочь». Это так сильно меня ранило, так меня мучило, что, когда пришла

популярность, она просто дала мне имя. Я стала не дочь, а я стала Юлия Меншова. Я стала — я.

С возрастом у меня начался процесс переосмысления той строгости к самой себе, в которой я жила всю жизнь.

И я стала думать, что это ограничение тоже чего-то меня лишало и лишает. Какого-то принятия себя и любви к себе. Потому что я внутри все время была таким солдатом — я все время что-то выполняла, какие-то задачи, которые перед собой ставила.

Ну вот, например, такой бытовой пример. Я еду в магазин — мне что-то нужно. Выхожу из магазина, купив что-то мужу, дочке, сыну, маме, но... не себе. И я вдруг поняла, что в этом тоже есть какой-то дисбаланс, что-то неправильное, так не может быть всегда. Что я заточена только на отдачу и какие-то претензии к себе. Поэтому сейчас я пытаюсь уравновеситься в другую сторону и сказать себе: «Нет, погоди-ка, давай ты на себя посмотришь, как-то с собой познакомишься, выяснишь: что тебе вообще нужно, что тебе нравится». Может быть, это связано еще и с тем, что дети подросли, и, наверное, у женщины в этот момент спираль жизни заходит на новый виток.

Когда-то я поняла, что если есть что-то самое-самое важное, то это умение говорить правду себе.

Это так трудно. Но если ты нащупываешь в себе эту возможность контакта с самим собой, ты можешь себе сказать: ну, значит, вот здесь ты

злишься, вот тут ты ревнуешь, здесь ты завидуешь, а вот этого ты боишься, вот это тебе не нравится. То есть когда ты нащупаешь в себе возможность срывать вот эти масочки, которые очень часто надевают наши эмоции.

Но это дико сложно — находить эту правду. Мгновенно идет реакция замещения. А еще надо же разобраться — и это тоже постижение самого себя: как с тобой твоя собственная психология играет, что ты там себе накрутил. Но я, как мне кажется, немало времени этому посвятила в своей жизни. Не только потому, что я такой солдат. Мне вообще очень занимательна организация человеческой психики. И своей собственной тоже. Поэтому я как-то пытаюсь все время не потерять контакт с самой собой, чтобы себе не врать.

Для меня самое важное в прощении, это быть честным с самим собой, понимая, что ты можешь быть гадкой.

У меня была одна знакомая, она говорила: «Я никогда никому не завидую». А я говорю: «Как же ты плохо себя знаешь». Она: «Правда! Я вообще лишена этого чувства». Я говорю: «Это свойственно каждому человеку. Это просто встроенная функция». Мы все завидуем. Ревность, зависть — все это от нашей природы, от нашего эгоизма. Так вот, если ты это про себя знаешь, мне кажется, и прощать другим полечче.

Обычно на чем ломается прощение? На том, что, когда это происходит по отношению к нам, мы говорим: «Я бы так никогда...» Это плохая схема. Хорошая схема: «Я так бы никогда, но зато вот так — запросто». И это помогает про-

◀ С мужем, актером Игорем Гординым и детьми — Андреем и Таисией.
Фото из семейного архива

стить. Иногда не сразу. Иногда трудно это сделать. Но если и были в моей жизни чудеса, то они были связаны именно с прощением.

Я очень люблю Прощеное воскресенье,

которое, к сожалению, сейчас в сознании очень многих девальвировалось — просто день массовой рассылки картинок, и уже начисто забывается суть. Но я его люблю, потому что в этот день заставляю себя подумать о тех, перед кем я виновата. И самый интересный эксперимент, который ты можешь произвести с собой, — это попросить прощения у того, с кем сложнее всего это сделать. Когда думаешь: вот у этого обязательно попрошу, маме надо позвонить, папе, у мужа, конечно, попросить прощения, у детей, у подружки какой-нибудь. Но есть одна заноза в сердце, и ты думаешь: ну, что я, писать, что ли, буду или звонить? Неловко, да и время прошло, уже забылось все. И вот когда ты себя ловишь на этом сопротивлении и говоришь: «Ага, вот от этого ты бежишь!!!», вот тут-то какие-то волшебные чудеса и происходили.

Во-первых, этому человеку, сколько бы времени ни прошло, это нужно. И во-вторых, это просто меняет контекст отношений, через много лет сшивает их заново, открывает какие-то новые коридоры. Такой поток энергии врывается между людьми, что думаешь: елки-палки, вот бы все время так, как в Прощеное воскресенье.

У брака очень много испытаний.

И думаю, что люди, которые проживают вместе много лет, могут быть как в абсолютном умирении и растворении друг в друге, так и в не меньшем накале выяснения отношений, чем в юности. Возраст наш, и в том числе старость, — это же тоже испытание. И отнюдь не только здоровья, выносливости и так далее, но и всего того, что ты вообще в жизни благоприобрел: воспитания, дисциплины, нравственных ценностей. В старости, как это ни грустно, очень многие вещи облетают, как осенняя листва. Многие отпадают, потому что у человека нет сил соблюсти какой-то внешний порядок или внешнюю картинку. Остается только то, что в самом деле а) дано, б) по-настоящему присвоено. Поэтому, если хотите жить в старости счастливо, надо очень сильно трудиться. И не на благо общества, а именно с точки зрения духовного воспитания самого себя. Чтобы успеть присвоить это, как привычку жить не эгоистично. Чтобы видеть и слышать другого человека. И научиться любить ближнего.

Глядя на сегодняшний день и это тотальное одиночество, на то, как быстро распадаются браки, я думаю, что эгоизм обладает такой невероятной силой и мощью, что может, как сорняк, заглушить дар любви, который дает нам Господь. И дальше люди обвиняют друг друга, говорят: да это в тебе дело, ты был хороший, а стал плохим, поэтому любовь испортилась... А она не может испортиться. Она просто — есть. Всегда. И я думаю, что любовь очень многолика. И претерпевает испытания. Это нормально. Но она стоит того, чтобы ее беречь. ♣.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ:

Последний вопрос ведущего «Парсуны»:

Легойда: В ситуации, когда Вам предлагают сняться в главной роли, а духовник говорит: «Не надо», где Вы поставите точку в предложении: «Согласиться нельзя отказаться»?

Меньшова: «Согласиться. Нельзя отказаться». Хотя я, безусловно, узнала бы о причине такого ответа. И задумалась бы над ним, вероятно. Но если бы мои собственные внутренние доводы и профессиональный интерес разошлись бы с этими причинами, то точно — «согласиться!» В данный момент я не нахожусь в том безмятежном состоянии, когда я сверяю свою жизнь с духовным отцом и подчинюсь. Я вообще редко советуюсь с кем бы то ни было. Хотя у меня был такой опыт: некоторое время в моей жизни у меня был духовный отец, и я следовала всем его советам. Но сейчас я такого человека не ищу. Может быть, я еще буду его искать и мне снова понадобится довериться чьей-то воле.

Полную версию «парсуны» Юлии Меньшовой, а также откровенные рассказы других известных людей о самих себе вы найдете в книге «Парсуна: неизвестное об известных», которая выйдет в 2021 году.

Фото Владимира Ештокина